

СИОНАТ МОЛЬНО

ЧЕРНЫЙ ШЛЕМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сиомат Мольно

Черный шлем

<https://litres.ru/74270463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда король умирает, рождаются монстры. Восемь королевств разрывает гражданская война, где за каждым предательством стоит улыбка, а за каждой милостыней — кинжал в спину.

Корвин «Черный Шлем» — капитан личной гвардии герцога, чье лицо скрыто под вечной усталостью. Но он не просто солдат. У него есть тайна, которая может уничтожить всю династию. Чтобы сохранить корону, ему придется переступить через любовь, честь и собственную плоть.

Здесь короли сражаются за трон, а простые люди — за право жить еще один день. Никто не уйдет чистым. Железо и кровь — вот главные герои этой истории.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сиомат Мольно

Черный шлем

Глава 1

Дождь превратил лагерную грязь в жидкое месиво, которое чавкало под сапогами. Корвин Рейнхарт стоял у входа в свой шатер и смотрел, как над далекими перевалами ползет тяжелое, черное небо. Война на этих землях длилась уже почти два года, и за это время он привык видеть кровь, привык чувствовать запах немытых тел и гниющей соломы. Но сегодня утро выдалось другим. Сегодня воздух пах смертью, которая шла к нему не из-за холма, а из самого сердца королевства. Он услышал топот копыт задолго до того, как они показались. Гонец не кричал, он хрипел. Лошадь споткнулась у первого же частокола, переломав передние ноги, и всадник кубарем покатился по грязи, поднимая фонтаны черной жижи. Корвин не торопился. Он обтер руки о замшевый плащ, подождал, пока часовые подхватят тело и дотащат до его ног. Гонец был молод, лет восемнадцати, не больше. Через разорванную кольчугу на боку зияла глубокая рана, из которой толчками вытекала темная, почти черная кровь. Парень смотрел на Корвина мутными глазами, пытаясь удержать сознание.— Ваша милость... капитан... — голос гонца

сорвался на кашель, изо рта пошла пена. — Я... ехал шесть дней... загнал трех коней... Корвин молча ждал, не предлагая воды. Вода здесь была дороже золота, а умирающий солдат — всего лишь расходный материал. — Король, — выдохнул гонец, и его рука, трясущаяся и окровавленная, вцепилась в голенище сапога Корвина. — Смерть его настигла. Старый король... скончался три дня назад. Лорды... лорды уже режут друг друга в столице за трон. Тишина повисла над лагерем, тяжелая, словно намокший стяг. Корвин смотрел на затухающий взгляд парня, на то, как его дыхание становится все реже и реже. Он мог бы наклониться и сказать что-то ободряющее, как это делают герои в песнях менестрелей. Но Корвин не был героем. Он был капитаном Черной Стражи, и он знал, что слова не воскрешают мертвых. — У тебя есть письмо? — спросил Корвин, и голос его звучал ровно, как лезвие меча. Гонец судорожно ощупал свой пояс и вытащил кусок пергамента, скрепленный тяжелой сургучной печатью красного цвета. В центре печати красовался орел — герб герцога Оррина Дарквуда. Корвин взял свиток, и в этот момент тело гонца дернулось в последний раз, выгнулось дугой и обмякло. Мальчишка умер, так и не получив ни глотка воды, ни доброго слова. — Уберите его, — приказал Корвин двум стоявшим рядом солдатам. — И закопайте. Достаточно глубоко, чтобы волки не добрались. Он развернулся и вошел в шатер. Свиток жег ладонь, хотя пропитанная потом ткань была ледяной. Корвин сел за походный стол, на

котором лежала карта, отмеченная крестиками и кружками. Он сломал печать, не глядя. Внутри было всего несколько строк, написанных торопливым, нервным почерком герцогского писца. Письмо гласило: «Король мертв. Война официально завершена, но на деле она только начинается. Действуй согласно старому плану. Жду тебя с отрядом у границ Сумеречной Бухты. Враг там, где ты не ждешь. Исполняй приказ. Оррин». Корвин отложил письмо и уставился на догорающий фитиль свечи. «Враг там, где ты не ждешь». Какой циничный и одновременно пустой набор слов. Герцог никогда не писал прямо. Ему нравилось заставлять людей гадать, что на самом деле скрывается за его строками. Старый король мертв. Смерть властителя всегда открывает шлюзы для грабежей и насилия, и Корвин слишком хорошо знал, какая грязь потечет из этих шлюзов. Он вспомнил, как семь лет назад стоял на коленях перед своим покойным отцом. Ему тогда приказал убить отца именно герцог Оррин. И Корвин сделал это — задушил старика подушкой, потому что Оррин сказал, что старик был предателем. Позже Корвин узнал, что предательства не было. Было лишь желание герцога завладеть землями рода Рейнхартов. Корвин тогда промолчал, сглотнул горечь и продолжил смотреть на мир холодными глазами, которые теперь отражали только свет свечей и силуэты оружия на стенах шатра. — Капитан. Голос за спиной заставил Корвина обернуться. В шатер протиснулся сер Харрен. Его широкие плечи едва не снесли стойку шатра. Старый рыцарь,

с лицом, изрезанным шрамами, которые он получил еще в молодости, стоял с двумя глиняными кружками в руках. В одной было вино, в другой вода.— Гонец мертв, — сказал Харрен, ставя кружки на стол. — Я видел его лицо. Это был сын кузнеца из Речной. Хороший был мальчишка, до смерти своей верил, что мы защищаем справедливость.— Справедливость умирает вместе с королями, — тихо ответил Корвин. Он взял кружку с вином и сделал долгий глоток. Кислое, прокисшее пойло обожгло горло. — Герцог требует нас в деревню Сумеречная Бухта. Харрен нахмурился, его седая щетина потемнела от пота.— Сумеречная Бухта? Там живут одни дровосеки и рыбаки. Там нет солдат, Корвин.— Значит, там кто-то прячется, — Корвин поставил кружку. — Или герцог просто хочет, чтобы мы вырезали их как скот, чтобы показать остальным, что бывает с неповиновением.— Мы не можем убивать простых людей. У нас есть честь. Корвин поднял на Харрена тяжелый взгляд. Его глаза под густыми бровями сверкнули недобрым блеском.— Ты все еще веришь в честь, Харрен? Я думал, ты давно выбросил эту слабость. Мы не рыцари в сияющих доспехах. Мы мясники. Герцог сказал мне убить отца, и я убил. Он скажет вырезать деревню, и мы вырежем. А если ты не хочешь марать руки, забирай свою кружку и убирайся в ту часть лагеря, где сидят трусы и обозники. Харрен побледнел, но не от страха. Он вздохнул, покачал головой и медленно опустился на складной табурет напротив капитана.— Значит, наше дело — уби-

вать, — прошептал Харрен. — И куда это нас приведет? Корвин ничего не ответил. Он снова уставился на карту. Пальцем он провел по извилистой линии, ведущей от их нынешнего положения к Сумеречной Бухте. Между ними лежали непроходимые чащи и горные перевалы. Три дня пути, если не будет дождей. Но дождь начинался. За пологом шатра, ровно в этот момент, усилился ветер, и холодные капли застучали по туго натянутой ткани. — Собери людей, — сказал Корвин, вставая. — Через час выступаем. Не нужно им знать, куда мы идем. Пусть думают, что мы идем на битву с врагом. И найди мне более сухой плащ, я не хочу промокнуть до костей, прежде чем увижу лица крестьян, которым суждено умереть. — Капитан... — Харрен снова попытался возразить, но осекся, наткнувшись на стальной взгляд Корвина. — Никогда не проси меня о жалости, друг мой, — сказал Корвин, беря в руки тяжелый, закаленный докрасна боевой топор, висевший у входа. — Жалость не положит хлеба в рот твоим людям. Жалость не принесет тебе новый меч, когда старый сломается. Единственное, что имеет значение в мире старых королей и новых узурпаторов — это кто готов пролить больше крови и сделать это первым. Он вышел наружу, в морозящий дождь. Солдаты уже суетились вокруг костров, собирая пожитки и седлая лошадей. Шум лагеря нарастал, смешиваясь с ржанием животных и звоном железа. Вдали, за горами, рождалась гроза. Гром прокатился по ущельям, словно голос самого убитого короля, проклиная-

щего своих наследников. Корвин забрался в седло, сжимая поводья. Он не обернулся. Перед ним была только дорога, ведущая в грязь и кровь, а за спиной — позабытые остатки человечности. Первая смерть короля открыла врата, и Корвин Рейнхарт собирался войти в них первым, оставив чужие трупы на пороге.в

Глава 2

Через час лагерь представлял собой хаотичное скопище человеческих тел, лошадей и поклажи. Дождь к тому моменту перешел в настоящий ливень, и грязь под ногами стала настолько вязкой, что сапоги приходилось выдирать из земли с глухим чавкающим звуком. Корвин стоял на небольшом возвышении у разрушенного каменного загона для скота. Он смотрел, как его Черная Стража строится в походные колонны. Сотня человек. Крепкие, обветренные лица, покрытые шрамами и въевшейся грязью. Никаких блестящих доспехов, никаких развевающихся стягов. Только ржавое железо, пропитанные потом кожаные куртки и тяжелые длинные пики, которые они сжимали в мозолистых руках.

Харрен подошел к нему и встал слева, держа в руках поводья своей лошади.

— Все готовы, капитан. Только что пересчитали припасы. Провизии хватит дней на пять, если идти налегке. Фуража для лошадей меньше, но мы можем кормить их на привалах.

Корвин кивнул, не сводя взгляда с построения. Он заметил в задних рядах движение. Трое солдат, наскоро привязав свои пики к седлам, пытались незаметно отойти в сторону оврага. Они смотрели в сторону леса, и по их напряженным спинам было очевидно — они собрались бежать. Дезертирство. Самое гнусное преступление в военное время.

— Харрен, — тихо произнес Корвин, не повышая голоса.
— Видишь этих троих? У самого края, у дуба.

Харрен прищурился сквозь пелену дождя.

— Стивен, Хью и Грегор. Хью вчера жаловался на лихорадку, а Грегор... ну, Грегор всегда был трусом.

— Они не идут в бой, Харрен. Они бегут домой, к своим печам и женам. — Корвин медленно спустился с возвышения и направился к колонне. Его шаги были тяжелыми, каждый удар сапога о землю отдавал в грязь брызгами.

Трое солдат заметили капитана, когда он прошел уже половину расстояния до них. Их лица побледнели. Грегор, здоровенный детина с рыжей бородой, первым бросил свой меч на землю и рванул в овраг. Двое других, оцепенев, застыли на месте.

Корвин не побежал. Он шел, не сбавляя темпа. Когда до оврага оставалось десять шагов, он выхватил из-за пояса короткий метательный нож. Его рука взметнулась в воздух, и в тот же миг нож, сверкнув мокрой сталью, вошел ровно между лопаток Грегора. Рыжебородый вскрикнул, запнулся и рухнул в грязь лицом вниз, даже не добежав до спасительных деревьев.

Корвин подошел к двум оставшимся. Стивен и Хью тряслись так сильно, что их колени стучали друг о друга. Капли дождя смешивались со слезами на их щеках.

— Капитан, пощадите, — заскулил Хью. — У меня дома четверо детей. Мы только хотели отвести их в безопасное

место, мы не думали бросать отряд насовсем.

Корвин смотрел на них с полным равнодушием. Он наклонился, подобрал брошенный Грегором меч и взвесил его в руке. Меч был тяжелым, с зазубренным лезвием.

— Ты, — Корвин указал на Хью. — Подойди сюда.

Хью, шатаясь, сделал два шага вперед. Корвин размахнулся и нанес удар плашмя по его лицу. Звук был глухим и влажным. Нос Хью хрустнул, брызнула кровь, и солдат отлетел в грязь, зажимая лицо обеими руками и воя от боли. Он корчился, пытаясь вдохнуть, захлебываясь собственной кровью.

Корвин перевел взгляд на Стивена.

— Ты хочешь пойти в Сумеречную Бухту? Или тоже хочешь домой?

Стивен замотал головой, его глаза были полны ужаса. Он попытался что-то сказать, но вместо этого просто икнул.

— Хорошо, — спокойно ответил Корвин. — Ты остаешься.

Затем он повернулся ко всему строю. Сотня солдат стояла неподвижно, как каменные изваяния, впитывая дождь. Они смотрели на капитана и на двух корчащихся людей в грязи. Тишина нарушалась только звуками дождя и всхлипами Хью.

— Я говорю это один раз, — голос Корвина разнесся над лагерем, перекрывая шум ливня. — Король мертв. Теперь нет закона, кроме того, что я напишу вашей кровью на этой земле. Если вы пойдете за мной, я дам вам золото и место у

огня. Если вы побежите от меня, я найду вас. Найду и скормлю ваши кишки собакам. — Он подошел к Хью, который все еще лежал, свернувшись калачиком. — А ты, — Корвин схватил его за волосы и рванул вверх. — Ты останешься в строю, но понесешь самое тяжелое снаряжение. Ты будешь тащить пики и мешки с провизией. Если упадешь — я оставлю тебя лежать на дороге, чтобы вороны выклевали твои глаза. Теперь встань.

Хью, залитый кровью, с разбитым носом и распухшей губой, кое-как поднялся на ноги. Шатаясь, он побрел к повозке с припасами, как побитый пес.

Харрен подошел к Корвину сзади. На его лице читалась смесь ужаса и уважения.

— Ты мог просто отправить их в обоз, Корвин. Ты не обязан был ломать ему лицо на глазах у всех.

— Должен был, — холодно бросил Корвин, вытирая окровавленные пальцы о мокрый плащ. — Завтра мы придем в Сумеречную Бухту. Им придется убивать. Если я не покажу им сейчас, что даже мысль о побеге несет боль, завтра они заколют меня в спину, когда я буду заносить топор над крестьянином. Страх — лучшая узда, Харрен. Лучше, чем верность. Верность можно купить за золото, а страх — только через кровь.

Он забрался на лошадь, и вся колонна, медленно, словно тяжелая, израненная змея, начала движение. Дорога уходила в серый, смытый дождем лес. Слева от Корвина, волоча ноги

и с трудом держа на плече связку пик, плелся Хью. Каждая его походка сопровождалась каплями крови, падающими на влажную землю.

Корвин не смотрел на него. Он смотрел вперед, в темноту между деревьями. За спиной остался лагерь с телом Грегора, который уже начал остывать в холодной грязи. Впереди ждала деревня. Деревня, полная дровосеков, рыбаков и, возможно, той самой тайны, которую герцог так тщательно скрывал в своем послании.

Харрен ехал чуть позади, молча прокручивая в голове слова Корвина. Он понимал, что старый друг прав. Но от этого на душе было только противнее. Ветер усилился, и завывание его смешивалось со скрипом мокрой кожи и цоканьем копыт. Армия без короля, ведомая человеком без совести, шаг за шагом входила в пасть новой войны.

Глава 3

Колонна двигалась медленно, вгрызаясь в густые лесные чащи и перевалы. Дождь прекратился к полудню, сменившись тяжелым, влажным туманом, который висел над самыми макушками сосен, словно саван, укрывающий мертвецов. Корвин ехал впереди, почти не оборачиваясь. За ним, на расстоянии пяти корпусов лошади, тащился Хью с разбитым носом и заплывшим глазом. Он уже не всхлипывал, он просто двигался вперед на автомате, превратившись в механизм, единственной функцией которого было нести чужое оружие.

На второй день пути, когда солнце начало клониться к западу, просека, по которой они шли, вывела их на широкий луг. Здесь, на ровном поле, раскинулся лагерь герцога Оррина Дарквуда. Он не имел ничего общего с тем грязным, пропахшим потом и мочой бивуаком, который Корвин оставил позади. Лагерь герцога был маленьким городом, выстроенным из шелка, бархата и кованого железа. Над центральным шатром, огромным, словно башня замка, развевался стяг с серебряным орлом на черном фоне. Вокруг стояли аккуратные ряды палаток поменьше, между которыми ходили слуги в чистых белых рубахах. Здесь не пахло гнилью. Здесь пахло жареным мясом, сладким вином и дорогими духами, которые смешивались с запахом влажной земли.

Корвин придержал коня, когда его отряд начал выстраиваться вдоль окраины лагеря. Харрен подъехал ближе, настороженно оглядывая ряды палаток.

— Выглядит как свадьба, а не как военный лагерь, — тихо произнес старый рыцарь. — Герцог явно не голодает в походах.

— Герцог никогда не голодает, — ответил Корвин, слезая с лошади. Он бросил поводья подбежавшему конюху, который поклонился ему с той почтительной робостью, с которой слуги всегда кланялись палачам. — Оставь людей здесь. Пусть отдыхают, но оружие держат наготове. Мы в гостях у человека, который обожает играть с огнем. Неизвестно, захочет ли он поджечь нас, чтобы просто согреться.

Корвин прошел через первые ряды палаток, направляясь к центральному шатру. Чем ближе он подходил, тем громче становилась музыка — струнные инструменты, переливы лютни и тихий женский смех. Стража у входа, облаченная в чистые, отполированные до блеска стальные кирасы, скрестила перед ним копья, но Корвин даже не замедлил шаг.

— Доложите герцогу, что капитан Рейнхарт прибыл по его зову, — сказал он, не повышая голоса. Его тон не терпел возражений.

Стражники переглянулись, но один из них отступил назад и исчез за плотным пологом шатра. Корвин стоял на улице и ждал, наблюдая за тем, как на лугу в сотне шагов от него группа разодетых дворянских сынков занимается фех-

тованием на деревянных мечях. Они смеялись, пинали друг друга, их движения были легкими и небрежными. Они даже не представляли себе, что через несколько дней их руки будут по локоть в чужой крови. Или, может быть, они мечтали именно об этом.

Полог шатра откинулся, и стражник жестом пригласил Корвина войти. Корвин перешагнул порог, и его глаза на мгновение ослепли от обилия света. Шатер был огромен, его стены были выстланы гобеленами, изображающими сцены охоты и битв. В центре стоял длинный дубовый стол, заставленный серебряными блюдами с фруктами, сырами и жареным мясом. Над столом, на деревянных подставках, горело дюжина свечей, которые давали мягкий, теплый свет, скрывающий грязь и морщины на лицах присутствующих.

За столом сидел герцог Оррин Дарквуд. Ему было около пятидесяти лет, но выглядел он на все шестьдесят. Его лицо было изрезано глубокими морщинами, которые напоминали карту старых дорог, а седые волосы были тщательно причесаны и стянуты в аккуратный пучок на затылке. На нем был надет темно-синий бархатный камзол, расшитый золотой нитью, а на пальцах сверкали тяжелые перстни с рубинами. Он сидел, откинувшись на высокую спинку кресла, и ел виноградины, лениво бросая их в рот одну за другой. Рядом с ним стоял пустой стул. Прямо перед герцогом, на краю стола, лежал запечатанный свиток. Тот самый свиток, который Корвин уже видел глазами своей памяти.

— Ах, Корвин, — голос Оррина был мягким, почти ласковым, как у отца, который встречает блудного сына. — Ты не заставил себя ждать. Я знал, что ты приедешь быстро. У тебя всегда была эта привычка — делать все быстро. Рубить, колоть, бежать. Я ценил это в тебе еще тогда, когда ты стоял над телом своего отца.

Корвин вошел в шатер и остановился на расстоянии трех шагов от стола. Он сложил руки перед собой, сжав пальцы в замок. Он не поклонился.

— Ваша светлость, — произнес он ровным голосом. — Я получил ваше письмо. Отряд готов. Мы пришли за приказом.

Герцог усмехнулся, обнажив ряд ровных, но пожелтевших от вина зубов. Он поднял руку, и слуга, стоявший в углу, молча наполнил бокал красным вином. Оррин подтолкнул бокал по столу в сторону Корвина.

— Выпей. Ты выглядишь уставшим. Дорога была долгой, а дожди, говорят, в этом году особенно немилосердны. — Герцог помолчал, снова отправляя в рот виноградину. — Король мертв. Ты уже знаешь. Его задушили в собственной постели. Говорят, это была его жена, но я думаю, что это был его собственный брат, который сошел с ума от желания примерить корону. Я не знаю, кому верить, и мне плевать. Смерть короля — это лишь повод, Корвин. Повод перекрыть карту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.